

Тан Шэнь:

— ...Может быть, потому что я умею подбирать правильные слова?

Эти несколько дней он, помимо приема ляосцев, то и дело расточал похвалы в адрес Ли Цзиндэ. Все равно лесть ничего не стоила, а Ли Цзиндэ пользовался огромной благосклонностью императора. Тан Шэнь уже нажил себе врага в лице Су Вэньюня, и наживать еще одного не имело никакого смысла. Пользуясь возможностью, стоило переманить Ли Цзиндэ на свою сторону — если в будущем Су Вэньюнь захочет против него выступить, у него хотя бы появится союзник.

Выпив по чашке горячего чая, Ван Чжэнь произнес:

— Завтра ты сможешь немного отдохнуть.

Тан Шэнь опешил и повернулся к нему:

— Старший брат?

Ван Чжэнь мягко улыбнулся:

— Нельзя же всегда оставлять господина Мэна без дела. Он получает жалование от государя и должен разделять с ним заботы — это входит в его прямые обязанности. Иначе, если цензоры обвинят его в бездействии и протирании штанов на службе, выйдет нехорошо. Как думает младший брат?

Тан Шэнь широко раскрыл глаза:

— Старший брат, ты...

Ван Чжэнь налил Тан Шэню еще чая:

— Чай Билочунь из управы Гусу в этом году удался на славу. Ты ведь всегда его любил, младший брат, выпей еще.

Тан Шэнь:

«...»

Выходит, даже если бы он сегодня не пришел к Ван Цзыфэну со своими расспросами, тот все равно прекрасно знал о происходящем во Дворце Циньчжэн!

Все эти речи о «жаловании государя», «разделении забот» и «прямых обязанностях»...

Ведь именно эти слова он сам днем говорил Ли Цзиндэ!

Тан Шэнь внезапно почувствовал некое облегчение. К счастью, когда ему в голову впервые пришла мысль об «импотенции Ван Цзыфэна», он никому не обмолвился об этом допущении и ни при каких обстоятельствах не озвучил его вслух. Если бы Ван Чжэнь узнал, последствия были бы поистине ужасающими.

Впрочем, были у Ван Цзыфэна проблемы с мужской силой или нет, Тан Шэню знать было не дано.

Промариновав послов Государства Ляо целых пять дней, император устроил пир в Тереме Шэнпин, чтобы оказать прием ляосским посланникам. Тан Шэнь как чиновник, отвечающий за прием, естественно, тоже присутствовал на пиру.

В Тереме Шэнпин гремела музыка и песни, кружились в танце легкие, словно у небожителей, шелковые рукава.

Не всякий представитель знати или чиновник мог сидеть в Тереме Шэнпин и принимать послов Государства Ляо. На пиру присутствовали лишь несколько князей, пользовавшихся особым расположением императора, высокопоставленные сановники первого и второго рангов, а также принимающие чиновники во главе с Министром ритуалов Мэн Ланом. Тан Шэнь сидел в самом конце чиновничьего ряда и издалека наблюдал, как Чжао Фу в драконьем халате подносил к губам кубок, беседуя с третьим принцем Государства Ляо Елюй Ханем.

Елюй Хань впервые прибыл в Шэнцзин и впервые видел Чжао Фу. Он полагал, что император Великой Сун подобен его отцу-хану — строг, исполнен величия, так что обычный человек не посмеет даже взглянуть на него, а за одно неверное слово его тут же выволокут наружу и отрубят голову. Однако Чжао Фу был с ним более чем любезен и даже отчасти заискивал. Елюй Хань тут же гордо расправил плечи.

И впрямь: их Великое Ляо располагало могучей армией и резвыми конями, увлекаая за собой победы, так что сунцы перед ляосцами могли лишь лебезить и льстить. И что с того, что он император Великой Сун? Стоит коннице Ляо двинуться на юг, и не пройдет и месяца, как Шэнцзин омоется кровью.

Елюй Хань думал так про себя, однако не был настолько глуп, чтобы выставять свое презрение напоказ. Он сказал Чжао Фу:

— Благодарю Его Величество императора за заботу. В подворье мне жилось довольно уютно, вот только дни шли, а встречи с Его Величеством все не было, что показалось мне слегка странным. Этим утром я думал: неужели император Великой Сун не желает нас видеть?

Чжао Фу изобразил изумление:

— Как у третьего принца могло возникнуть такое заблуждение? — С этими словами он повернул голову: — Господин Мэн, Я заранее поручил тебе принять послов Ляо, почему же у послов Государства Ляо сложилось такое впечатление?

Мэн Лан мысленно поморщился от горечи. Он тут же поднялся и бросил взгляд на Тан Шэня.

Тан Шэнь сидел очень далеко позади. Ван Чжэня, конечно, рядом с ним не было — тот восседал прямо напротив Мэн Лана, и в этот момент господин Ван со спокойно опущенными глазами неторопливо вкушал яства. Зато рядом с Тан Шэнем сидел другой человек! Сейчас этот бледнолицый, статный главнокомандующий второго ранга таращил свои огромные, словно медные колокола, глаза и свирепо смотрел на Мэн Лана.

Взгляд его ясно выражал: «Ты взвалил эти дрянные хлопоты на меня, и что теперь — снова хочешь свалить ответственность?»

Мэн Лан проглотил обиду, как немой — горькую пилюлю: и рад бы возразить, да не выйдет.

Откуда он мог знать, что дело, порученное им Тан Шэню, полезет выполнять этот Ли Цзиндэ!

Если про Ван Цзыфэна говорят, что у него игла спрятана в вате — то есть если бы Мэн Лан сегодня сказал Чжао Фу, что поручил все Тан Шэню, а тот не справился, месть Ван Цзыфэна не обрушилась бы мгновенно, а тянулась бы непрерывно, как мелкий дождь в сезон затяжных дождей, капая целый месяц.

Но Ли Цзиндэ — совсем другое дело.

Стоит генералу Ли решить отомстить, как Мэн Лана, едва тот выйдет из Терема Шэнпин, накроют мешком, уволочут в какой-нибудь темный угол дворца и искусно избьют до полусмерти!

Мэн Лан тихо вздохнул и обратился к Чжао Фу:

— Ваш слуга виноват, не справился с поручением.

Чжао Фу напустил на себя строгий вид:

— Как ты мог пренебречь Моими гостями! Наказываю тебя лишением жалования на один месяц.

Мэн Лан:

— Ваш слуга повинуетя.

Елюй Хань изначально намеренно поднял шум, желая посмотреть, как император Великой Сун накажет собственного чиновника ради ляосских послов. А кто именно понесет наказание, его совершенно не волновало. Именно так перед приходом в Терем Шэнпин его наставлял Елюй Цинь из Ведомства Ханьэр: нужно обязательно утереть нос сунским чиновникам и сбить с них спесь, иначе это помешает в будущих переговорах.

Коль скоро Мэн Лан уже получил наказание, Елюй Цинь притворно проговорил:

— Его Величество император, это всего лишь мелочь, не стоит из-за этого беспокоиться.

Чжао Фу мягко улыбнулся, его лицо выражало кротость и доброту:

— Послы Великого Ляо — Мои дорогие гости. Как Я могу позволить кому-либо проявлять к ним неуважение?

Слушая это, Елюй Хань радовался в душе. Он погладил бороду и рассмеялся. За его спиной Елюй Цинь и Елюй Инь взглянули на Чжао Фу с ещё большим презрением. Чжао Фу страстно увлекался даосизмом и целыми днями думал лишь о том, как обрести бессмертие — среди чиновников Ляо это давно не было секретом. Теперь было очевидно, что этот император Великой Сун — действительно бездарный и никчемный правитель, не стоящий внимания.

Пир в Тереме Шэнпин завершился, обе стороны побеседовали к обоюдному удовольствию, и все остались довольны.

После того как Чжао Фу покинул Терем Шэнпин, сунские чиновники не выходили, дожидаясь, пока удалятся ляосские послы, и лишь затем стали расходиться по одному.

Тан Шэнь шел вместе с Ли Цзиндэ, который всё еще изображал его сопровождающего. Но едва они вышли из Терема Шэнпин, как их перехватил евнух. Молодой евнух плавно поклонился и произнес:

— Раб приветствует генерала Ли и господина Тан. Генерал Ли, Государь призывает вас на Террасу Восхождения к Бессмертным, идемте со мной.

Сбрав бороду, Ли Цзиндэ обманул практически всех — даже Мэн Лан не узнал его, пока генерал не подошел к нему вплотную и не пнул. Но глаза Чжао Фу обмануть было невозможно.

Ли Цзиндэ почесал нос и сказал Тан Шэню:

— Ну, я пошел.

Тан Шэнь:

— Доброго пути, генерал Ли.

Ли Цзиндэ пошел за молодым евнухом на Террасу Восхождения к Бессмертным.

На следующий день Тан Шэнь не увидел Ли Цзиндэ во Дворце Циньчжэн. Мэн Лан во главе чиновников лично принимал ляосских послов. Встреча проходила не во Дворце Циньчжэн и не в императорском дворце, а в Ямыне Приказа ритуалов. Все прежние вежливые церемонии в этот миг обратились в пыль. Едва прибыв, ляосцы с порога заявили:

— В этой битве за город Ючжоу наша Армия Ляо понесла тяжелые потери. Как вы намерены возместить этот урон?!

Какая наглая клевета!

Тан Шэнь был еще молод и прослужил чиновником всего три года, его кожа не успела стать достаточно толстой, поэтому при этих словах в его душе закипело негодование.

Но кем были Мэн Лан и Юй Чаошэн? Один разыгрывал мягкого, другой — жесткого.

Юй Чаошэн произнес:

— Что за речи вы ведете, господин Елюй? Государство Сун и Ляо еще двадцать лет назад подписали мирный договор: не вести войн, не открывать огня и жить в согласии. Это соглашение подписал лично ваш покойный император! Неужели из-за того, что Чэн-цзун династии Ляо скончался, оно больше не имеет силы? На этот раз ваша Армия Ляо двинула войска на наш город Ючжоу — с какой стати это стало виной нашей Великой Сун? Наша Великая Сун еще даже не выставила вам счет за это нападение!

Елюй Цинь холодно усмехнулся:

— Вы смеее поминать нашего покойного императора? Наш прошлый владыка был милосерден и заключил мир с вашей Великой Сун. Но как вела себя ваша Великая Сун все эти двадцать лет? Два месяца назад чиновник Великого Ляо ни с того ни с сего погиб на земле вашего Государства Сун! Дайте нам объяснение!

Юй Чаошэн уже собрался вспылить, но Мэн Лан выступил в роли миротворца:

— Господин Юй, ну что вы так говорите? Коль скоро император Ляо прислал послов, а Его Высочество третий принц лично прибыл к нам, они, разумеется, искренне намерены вести переговоры...

Целых два дня обе стороны без устали препирались о том, кто же на самом деле виноват в

битве за Ючжоу.

<http://bllate.org/book/18292/1754629>